

```
(SPR_PUNG,2,4,(NULL),S_PUNCH5,0,0), // S_PUNCH5
(SPR_PUNG,1,5,(A_ReFire),S_PUNCH,0,0), // S_PUNCH5 // do things to change the game state
(SPR_PISG,0,1,(A_WeaponReady),S_PISTOL,0,0), // S_PISTOL while (gameaction != ga_nothing)
(SPR_PISG,0,1,(A_Lower),S_PISTOLDOWN,0,0), // S_PISTOLDOWN
(SPR_PISG,0,1,(A_Raise),S_PISTOLUP,0,0), // S_PISTOLUP
(SPR_PISG,0,4,(NULL),S_PISTOL2,0,0), // S_PISTOL1
(SPR_PISG,1,6,(A_FirePistol),S_PISTOL3,0,0), // S_PISTOL2
(SPR_PISG,2,4,(NULL),S_PISTOL4,0,0), // S_PISTOL3
(SPR_PISG,1,5,(A_ReFire),S_PISTOL,0,0), // S_PISTOL4
(SPR_PISF,32769,7,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_PISTOLFLASH
(SPR_SHTG,0,1,(A_WeaponReady),S_SGUN,0,0), // S_SGUN
(SPR_SHTG,0,1,(A_Lower),S_SGUNDOWN,0,0), // S_SGUNDOWN
(SPR_SHTG,0,1,(A_Raise),S_SGUNUP,0,0), // S_SGUNUP
(SPR_SHTG,0,3,(NULL),S_SGUN2,0,0), // S_SGUN1
(SPR_SHTG,0,7,(A_FireShotgun),S_SGUN3,0,0), // S_SGUN2
(SPR_SHTG,1,5,(NULL),S_SGUN4,0,0), // S_SGUN3
(SPR_SHTG,2,5,(NULL),S_SGUN5,0,0), // S_SGUN4
(SPR_SHTG,3,4,(NULL),S_SGUN6,0,0), // S_SGUN5
(SPR_SHTG,2,5,(NULL),S_SGUN7,0,0), // S_SGUN6
(SPR_SHTG,1,5,(NULL),S_SGUN8,0,0), // S_SGUN7
(SPR_SHTG,0,3,(NULL),S_SGUN9,0,0), // S_SGUN8
(SPR_SHTG,0,7,(A_ReFire),S_SGUN,0,0), // S_SGUN9
(SPR_SHTF,32768,4,(A_Light1),S_SGUNFLASH2,0,0), // S_SGUNFLASH1
(SPR_SHTF,32769,3,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_SGUNFLASH2
(SPR_SHT2,0,1,(A_WeaponReady),S_DSGUN,0,0), // S_DSGUN
(SPR_SHT2,0,1,(A_Lower),S_DSGUNDOWN,0,0), // S_DSGUNDOWN
(SPR_SHT2,0,1,(A_Raise),S_DSGUNUP,0,0), // S_DSGUNUP
(SPR_SHT2,0,3,(NULL),S_DSGUN2,0,0), // S_DSGUN1
(SPR_SHT2,0,7,(A_FireShotgun2),S_DSGUN3,0,0), // S_DSGUN2
(SPR_SHT2,1,7,(NULL),S_DSGUN4,0,0), // S_DSGUN3
(SPR_SHT2,2,7,(A_CheckReload),S_DSGUN5,0,0), // S_DSGUN4
(SPR_SHT2,3,7,(A_OpenShotgun2),S_DSGUN6,0,0), // S_DSGUN5
(SPR_SHT2,4,7,(A_Null),S_DSGUN7,0,0), // S_DSGUN6
(SPR_SHT2,5,7,(A_LoadShotgun2),S_DSGUN8,0,0), // S_DSGUN7
(SPR_SHT2,6,6,(NULL),S_DSGUN9,0,0), // S_DSGUN8
(SPR_SHT2,7,6,(A_CloseShotgun2),S_DSGUN10,0,0), // S_DSGUN9
(SPR_SHT2,0,5,(A_ReFire),S_DSGUN,0,0), // S_DSGUN10
(SPR_SHT2,1,7,(NULL),S_DSNR2,0,0), // S_DSNR1
(SPR_SHT2,0,3,(NULL),S_DSGUNDOWN,0,0), // S_DSNR2
(SPR_SHT2,32776,5,(A_Light1),S_DSGUNFLASH2,0,0), // S_DSGUNFLASH
(SPR_SHT2,32777,4,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_DSGUNFLASH
(SPR_CHGG,0,1,(A_WeaponReady),S_CHAIN,0,0), // S_CHAIN
(SPR_CHGG,0,1,(A_Lower),S_CHAINDOWN,0,0), // S_CHAINDOWN
(SPR_CHGG,0,1,(A_Raise),S_CHAINUP,0,0), // S_CHAINUP
(SPR_CHGG,0,4,(A_FireCGun),S_CHAIN2,0,0), // S_CHAIN1
(SPR_CHGG,1,4,(A_FireCGun),S_CHAIN3,0,0), // S_CHAIN2
(SPR_CHGG,1,0,(A_ReFire),S_CHAIN,0,0), // S_CHAIN3
(SPR_CHGF,32768,5,(A_Light1),S_LIGHTDONE,0,0), // S_CHAINFLASH1
(SPR_CHGF,32769,5,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_CHAINFLASH2
(SPR_MISC,0,1,(A_WeaponReady),S_MISSILE,0,0), // S_MISSILE
(SPR_MISC,0,1,(A_Lower),S_MISSILEDOWN,0,0), // S_MISSILEDOWN
(SPR_MISC,0,1,(A_Raise),S_MISSILEUP,0,0), // S_MISSILEUP
(SPR_MISC,1,0,(A_GunFlash),S_MISSILE2,0,0), // S_MISSILE1
(SPR_MISC,1,12,(A_FireMissile),S_MISSILE3,0,0), // S_MISSILE2
(SPR_MISC,1,0,(A_ReFire),S_MISSILE,0,0), // S_MISSILE3
(SPR_MISC,32768,3,(A_Light1),S_MISSILEFLASH2,0,0), // S_MISSILEFLASH1
(SPR_MISC,32769,4,(NULL),S_MISSILEFLASH3,0,0), // S_MISSILEFLASH2
(SPR_MISC,32770,4,(A_Light2),S_MISSILEFLASH4,0,0), // S_MISSILEFLASH3
(SPR_MISC,32771,4,(A_Light2),S_LIGHTDONE,0,0), // S_MISSILEFLASH4
(SPR_SAWG,2,4,(A_WeaponReady),S_SAWB,0,0), // S_SAW
(SPR_SAWG,3,4,(A_WeaponReady),S_SAWD,0,0), // S_SAWB
(SPR_SAWG,2,1,(A_Lower),S_SAWDOWN,0,0), // S_SAWDOWN
(SPR_SAWG,2,1,(A_Raise),S_SAWUP,0,0), // S_SAWUP
```


Роман Кузьма

Духи Ориша

Приключения Энё Негьеши

Роман Кузьма

Духи Ориша

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кузьма Р.

Духи Ориша / Р. Кузьма — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Рио-де-Жанейро – город контрастов, прославившийся на весь мир карнавалом и уличной преступностью. Служащий крупной компании испанец Хосе Ортега и его новый приятель Энё Негьеши вскоре обнаруживают: пляжи Копакабаны полны тайн, тщательно скрывааемых от приезжих. Цепь загадочных событий приводит к убийству, в котором замешана влиятельная оккультная секта; друзья берутся за расследование. Напряжение не спадает вплоть до неожиданной развязки, открывающей вмешательство потусторонних сил...

Содержание

Роман Кузьма	5
2	9
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Роман Кузьма

Духи Ориша

1

Если бы кто-нибудь когда-нибудь напророчил Хосе Ортеге, служащему крупной компании, поставляющей на внутриевропейский рынок горюче-смазочные материалы, что с ним может приключиться столь невероятная, внушающая ужас история, он бы, несомненно, ни за что не поверил. Ортега, в свои неполные двадцать пять лет достигший высокого служебного положения, был человеком прогрессивных взглядов, свободным от глупых предрассудков, не отличающийся склонностью к суевериям, и по праву мог гордиться своим здравым смыслом и практической смёткой. Эти качества, а также великолепное знание собственного дела, стали главной причиной, по которой ему доверили место в делегации, отправившейся в Бразилию для проведения переговоров о закупке биоэтанола.

Ортега, вместе с другими служащими отправившийся на круизном лайнере «Кастилия» из Малаги через Ливерпуль и Дублин в Рио-де-Жанейро, лишь очень недолгое время недоумевал, почему для путешествия не был избран более быстроходный вид транспорта – самолёт, – а переговоры проводятся не в столице Бразилии, где сосредоточена львиная доля её капитала. Однако, как только директора и вице-президенты погрузились в непрекращающуюся пьянку, проводя дни и ночи в казино, ему всё стало понятно. На поездку и переговоры отводится не менее двух недель рабочего времени, и ему стало понятно, что сложность предстоящих трудов обратнопропорциональна понесённым компанией расходам.

К тому, что вскоре ему предстоит провести немало времени на пляжах Копакабаны, Ортега стал готовиться к этому загодя, избрав своим постоянным местом пребывания верхнюю палубу, где имелось множество шезлонгов. Здесь, когда он улёгся поудобнее и подставил лицо и обнажённую грудь солнечным лучам и свежему морскому бризу, и состоялась встреча, изменившая его жизнь раз и навсегда. Чувство расслабленности, вызванное пресным, даже в чём-то скучным путешествием, протекавшим без каких-либо событий, сменилось искренним любопытством и лёгкой подозрительностью, когда рядом вдруг заговорил сам с собой странный незнакомец.

Поднявшись на борт в Дублине, этот пассажир, тем не менее, не являлся ирландцем, хотя и по-английски говорил с трудом. Его родной язык, насколько мог судить обрывкам фраз Ортега, не имел ничего общего с гэльским. Он был очень молод, вероятно, не достиг и двадцатилетнего возраста; среднего роста, худощавый, он обладал правильными, незапоминающимися чертами лица. Черноволосый и черноглазый, этот парень бросался в глаза в первую очередь восковой бледностью кожи, которая, несмотря на великолепную погоду и жаркое тропическое солнце, никак не покрывалась загаром. Другой его необычной особенностью, пожалуй, была уже упомянутая привычка говорить себе под нос. В конечном итоге, подобно остальным пассажирам «Кастилии», Ортега перестал обращать внимание на чудака, вечно о чём-то размышляющего вслух, облокотившись на перила.

Всё изменилось в тот день, когда его представления об окружающем мире перевернулись с ног на голову – причём как раз по вине необычного «дублинца», как Ортега его про себя называл. По странной иронии судьбы, это случилось в тот день, когда лайнер, а вместе с ним и делегация, направляющаяся в Рио, в прямом смысле заняли перевёрнутое положение, относительно отправной точки.

Речь идёт, конечно, о празднике Нептуна.

Празднество это, являющееся традицией вот уже долгие века, всяким кораблём, пересекающим экватор, не обошло стороной и «Кастилию».

Ортега, подобно прочим, с удовольствием принял участие во всеобщем веселье, когда морской бог и его помощники, водяные черти и русалки, ещё вчера бывшие экипажем команды, брызгались водой и проводили для желающих достаточно унизительный, но шумный и эффектный ритуал посвящения. Те, кто согласился, чтобы их облили сомнительного вида и запаха жидкостью, являющуюся, судя по всему, смесью шампуня и мазута, получали чашу с пуншем и диплом, собственноручно подписанный Нептуном. К превеликому удивлению Ортеги, одним из первых через эту церемонию прошёл вице-президент компании, сеньор Гонсалес, уже бывший изрядно навеселе.

Как ни странно, но впоследствии Ортега неоднократно жалел о том, что не напился вместе со всеми и не принял омерзительный «душ», так как в противном случае, он бы не выпал из общего числа развлекающихся. Оставшись в одиночестве, он был вынужден признать, что лучшим лекарством от скуки и тоски является алкоголь. Пропустив парочку коктейлей, Ортега приободрился и уже подумывал о том, чтобы всё-таки решиться на купание в машинном масле, вполне вероятно, закупленном у его компании, и прочих нечистотах, к которым она не могла иметь ни малейшего отношения, как на глаза ему попался «дублинец».

– Извините, сеньор! Мистер!.. – Ортега, также не лучшим образом изъяснявшийся на английском, поинтересовался у бледного, как всегда, пассажира, ответами на вопросы, которые его интересовали.

Тот нимало не смутился проявленным к нему интересом и, вежливо похвалив красоту жены Ортеги и двух маленьких детей, фотографию которых испанец всегда носил с собой в бумажнике, разговорился. Между ними возникло определённое доверие, и «дублинец» охотно ответил на все вопросы относительно его необычного внешнего вида и поведения.

– Я говорю на венгерском, это мой родной язык, если вы имели в виду, что это я там обычно себе бубню, – ухмыляясь, ответил парень. Раскрасневшееся от выпитого лицо Ортеги стало ещё краснее.

Вопрос о цвете кожи вызвал у венгра короткий приступ смеха.

– В Рио-де-Жанейро эта тема является весьма и весьма острой и, если хотите, даже проблематичной. В какой-то мере, я и отправляюсь туда с целью изучить некоторые вопросы периода империи, когда всё ещё существовало рабство и работорговля.

Как оказалось, венгр был этнографом и историком, по его словам, достаточно известным.

– К сожалению, я не публикуюсь в научных журналах, но в определённых кругах...

Загадочная улыбка, тронувшая тонкие губы загадочного пассажира, содержала намёк на некую тайну. Знай Ортега, о каких именно «кругах» идёт речь, он бы ни за что не продолжил разговор. Тем не менее, побуждаемый винными парами к тому, чтобы продолжить разговор, он заметил вслух, что его собеседник уклонился от прямого ответа.

– Так в чём же дело? Это какая-то болезнь кожи?

Венгр рассмеялся.

– Нет. Пожалуй, нет, по крайней мере, такая болезнь не значится ни в одном учебнике по медицине – и заразится ею невозможно.

Ортега вежливо вскинул брови вверх, словно ожидая продолжения.

– Я бы объяснил это сделкой с дьяволом, в результате которой я как бы ни жив ни мёртв, если вам угоден такой ответ, – вдруг прозвучал неожиданный ответ.

Недоумение столь ясно отразилось на лице Ортеги, что венгр тут же поправил себя.

– Я провожу слишком много времени у компьютера, стремясь достичь высот в своей профессии...

– Хосе! – испанец протянул руку собеседнику, представившемуся Эрнестом. Рукопожатие у него было неожиданно крепким. Растирая онемевшие пальцы, Ортега согласился выйти на свежий воздух, чтобы проветриться. Поскольку он и сам чувствовал тяжесть в голове и надеялся в ходе прогулки разогнать хмель, испанец согласился.

– Наверное, вам интересно, что я там высматриваю и о чём говорю сам с собой? – Эрнест улыбнулся, в глазах его мелькнуло выражение, представлявшее собой сочетание насмешки и коварства.

Хосе, которому на покачивающейся палубе на мгновение стало дурно, усилием воли преодолел готовый начаться приступ морской болезни и посмотрел на ночное небо, усеянное звёздами. Оно имело непривычный для европейца вид.

– Да, здесь всё по-другому, – улыбнулся Эрнест. – Другое небо, иные звёзды, непривычные боги...

Хосе был католиком и взял на себя труд сообщить эту важную новость своему собеседнику.

– Да, конечно, я многое знаю о вашей церкви. Она настолько упорствует в своих догматах, что отрицает существование элементарнейших вещей – из тех, что мы с вами называем сверхъестественными. Пожалуй, как бы странно это ни звучало, в этом плане католики, закрытые для всякого нового знания, неожиданно близки к атеистам. Во времена инквизиции они хотя бы верили в демонов и колдовство.

Облокотившись о перила, Эрнест уставился куда-то вдаль. Возмущённый, Хосе потребовал от своего нового приятеля объясниться.

– Вы бы хотели этого? – спросил венгр голосом, принудившим Ортегу поколебаться. В этом голосе слышалась и боль пережитого, страх, страдания, и желание поделиться тем, чем, по его мнению, делиться бы не стоило. – Вы бы действительно хотели этого?

Вздвигнув брови, Ортега, всё же ответил утвердительно.

– Я вижу химеры... то, что существует в за гранью реальности... или существовало. Призраки кораблей, погибших в этих водах. Все, кого потопили Инглэнд, Тейлор и Лют¹.

– Вы обещали показать, – иронично поправил собеседника испанец. Немного было в его жизни случаев, когда приходилось сожалеть о сказанном, но этот по трагичности последствий превзошёл все мыслимые ожидания.

– Боюсь, вы увидите гораздо меньше, – с некоторой горечью ответил Эрнест. – Впрочем, на то была ваша воля.

В ушах у Ортеги раздался резкий, болезненный звон, будто невидимый барабанщик ударил по ним бронзовыми тарелками. Когда этот шум прекратился, всё было по-прежнему; он почувствовал, как в душе его закипает гнев. С ним провернули грязный фокус, возможно, при помощи инфразвукового излучателя. Сжав свой тяжёлый кулак, он приблизился к Эрнесту, готовый потребовать ответа, однако тот лишь кивнул на что-то, находившееся у Ортеги за спиной. То был трюк из старых кинофильмов, однако Ортега, чувствуя себя глупо, обернулся. Он решил, что, если Эрнест лжёт, то остаток круиза ему суждено провести в корабельном лазарете.

Зрелище, представшее его взору, принудило Ортегу застыть от страха. Трясаясь мелкой дрожью, он, не в силах произнести хотя бы слово, наблюдал, как мимо него прошествовал мужчина, судя по всему, лет сорока-сорока пяти, изуродованный до неузнаваемости. Тело, словно разрубленное пополам неким гигантским топором, прошедшимся от левой стороны груди до правого бедра, непостижимым образом поддерживалось в вертикальном положении, несмотря на то, что кости, мышцы и сухожилия были перерублены начисто. Роняя на палубный настил мелкие капли крови, мертвец дошёл до кормы, и, посмотрев с мгновение на бурлящую за корабельными винтами воду, перевалился за борт.

– Это Клаудио Санторо, итальянский бизнесмен. Я его наблюдаю по несколько десятков раз на дню, – горько улыбаясь, сообщил Эрнест. – Покончил жизнь самоубийством в позапро-

¹ Эдвард Инглэнд, Джон Тейлор – известные английские корсары XVIII века. Вольфганг Лют – немецкий подводник периода Второй мировой войны, потопивший десятки торговых кораблей.

шлом рейсе. Я интересовался записями в корабельном журнале, даже публикациями в Интернете. Его банк лопнул, фирма обанкротилась, а жена ушла к другому – типичный случай.

– Да-да, конечно, – рассеянно кивал Ортега. Ошеломлённый жутким видением, он почти лишился способности нормально мыслить; перед глазами у него всё ещё стояло изувеченное лицо Санторо. Эрнест, кивнув собственным мыслям, распрощался с ним и отправился спать. Всё время, что оставалось до Рио, Ортега избегал встреч со своим новым знакомым, и, если бы не любопытство и жажда приключений, принудившие его изменить этому решению, он бы, вероятно, избежал многих приключившихся с ним в дальнейшем неприятностей.

2

Рио-де-Жанейро – город, веками принимающий солнечную ванну. Удобно пристроившись между высоких холмов-морро, громоздя районы и кварталы на их зелёные склоны, он полощет песчаные стопы своих пляжей в тёплой синеве океана, беззаботный и сонный. С тех пор, как все столичные бюрократы бежали в Бразилиа, деловая жизнь в центральных кварталах города замерла окончательно и бесповоротно.

Застой, заметный невооружённым взглядом, казался несомненным. Офисы немногих компаний, ещё оставшиеся в Рио, едва ли были способны создать городу впечатление финансового центра. Тем не менее, к всё более усиливающемуся удивлению Хосе Ортеги, делегация его компании избрала местом заключения сделки года именно Рио – и даже неделю спустя после формального открытия переговоров, те и не думали начинаться. Сеньор Гонсалес и его приятели проводили всё своё время на респектабельных пляжах Ипанемы, словно торопиться им было некуда, а Ортега, у которого из головы никак не шёл цепенящий ночной инцидент, понемногу терял терпение.

Как и все, кто пережил убийственный стресс и оказался в непривычной обстановке, он нашёл утешение на дне бутылки.

Пристрастившись к кашасе – перебродившему соку сахарного тростника, – Ортега долгими вечерами бродил по вечерним улицам Рио, перебираясь из бара в бар. То, что он всячески избегал фавел, пользующихся дурной славой, а также его могучее телосложение – всё это вместе взятое уберегло испанца от обычных в таких случаях злоключений. В конце концов, сеньор Гонсалес, заметив, что его подчинённый никак не может найти себе места, сам вызвал его на разговор.

Он принял Ортегу в собственном номере; войдя, тот обнаружил, вице-президента сидящим за стеклянным столиком, на котором стояла полупустая бутылка с содовой. Рубашка с коротким рукавом, расстёгнутая на груди, открывала седеющие курчавые волосы. Включённый на полную мощность кондиционер тяжело кряхтел – и, судя по жаркой духоте, совершенно не справлялся с возложенной на него задачей. Ноздри Ортеги раздвинулись, уловив запах спиртного, и он завертел головой в поисках источника, однако тщетно. Видимо, бутылка крепкого ирландского виски, которым сеньор Гонсалес запасся в Дублине, скрывалась от излишне любопытных взоров где-то в холодильнике.

– Хосе, что тебя так волнует, можешь мне сказать? – вопрос, которого Ортега ожидал, тем не менее, застал его врасплох. Он растерянно заморгал.

– Меня беспокоит то, что мы так и не приступили к работе, сеньор Гонсалес. – Вице-президент лукаво улыбнулся и вперил в Ортегу пронизательный взгляд.

– Мы ждём звонка из Мадрида. – Ответ показался Хосе странным и невразумительным. Наконец, смягчившись, сеньор Гонсалес поделился с ним кое-какой информацией.

– Странно, что ты, Хосе, наш талантливый и, вне сомнения, перспективный сотрудник, не поинтересовался спецификой местного рынка...

Гонсалес сделал паузу, позволяя своему собеседнику подумать над ответом. Ортега закатил глаза к потолку и зашевелил губами, что-то бормоча себе под нос. Наконец, ответ, простой и очевидный, заставил его просиять.

– Урожай? – Сеньор Гонсалес удовлетворённо кивнул. – Да, Хосе, мой мальчик, мы ждём известий о новом урожае сахарного тростника, который в этом году обещает быть очень богатым. Кроме того, если случится кое-что на международном рынке...

Он умолк, многозначительно глядя на Ортегу. Хосе и без лишних подсказок сообразил, что речь идёт о возможном падении цен на нефть. Вкупе с большим урожаем это приведёт к снижению цен на этанол – партию этого типа горючего можно будет закупить по низкой цене,

а возможно, даже удастся заключить выгодный многолетний контракт. Подобные комбинации были совершенно нормальным явлением в их ежедневной деятельности.

– Да, сеньор Гонсалес, простите меня, что я сразу об этом не подумал. – Ортега, демонстрируя служебное рвение, и не думал краснеть. – Очень хорошо, Хосе, что ты всё понял. А теперь, скажи мне, что с тобой происходит? Ты не можешь найти себе мулатку?

Ортега, поняв намёк, испросил недельный отпуск, и сеньор Гонсалес охотно дал ему на это разрешение. Единственное условие заключалось в том, что Ортеге нужно было каждый день дважды звонить вице-президенту в оговорённое время, в восемь часов вечера.

Перво-наперво Ортега, решив не терять время даром, связался с бортом «Кастилии» и выяснил, как зовут его таинственного приятеля Эрнеста.

– Зачем вам это? – спросил его удивлённый женский голос, пребывавший сейчас за тысячи миль. – Мне кажется, он украл у меня нечто ценное.

Неуклюжая ложь, поспешно состряпанная Ортегой, была истолкована превратно: девушка понимающе, и, как ему показалось, разочарованно, вздохнула. Однако это было к лучшему, так как она тут же согласилась предоставить всю наличную информацию об Эрнесте. Ортега, которому было наплевать, считают ли его гомосексуалистом, записал фамилию – Негьеши – и номер сотового.

– Алло? – Эрнест взял трубку после двух или трёх гудков. Оказалось, что он всё ещё в Рио-де-Жанейро, целыми дни напролёт просиживает в читальном зале местной библиотеки.

– Вас интересуют мои... изыскания? – Вопрос этот смутил Ортегу – собеседник будто читал его мысли. Он был вынужден согласиться.

– Я с удовольствием разрешил бы вам принять участие в них, однако должен загодя предупредить: даже в случае успеха моих замыслов, весьма маловероятного, я не могу гарантировать вам ни сохранность жизни, ни душевного спокойствия, ни места в раю, если вам случится умереть.

Пребывая в смятении, Ортега замолчал, лихорадочно обдумывая сложившееся положение. Горячая кровь, унаследованная от горделивых идалго, подталкивала его сделать этот шаг, от которого предостерегал и здравый рассудок, и вера в бога. Наконец, именно последний аргумент и определил исход этого внутреннего конфликта: поцеловав распятие, висевшее на шее, Ортега сжал трубку сотового до боли в пальцах.

– Алло, Хосе, вы всё ещё там?

– Да, я вас слышу, Эрнест, и да сгинут исчадия Ада и порождения Сатаны! – говоря так, он перекрестился.

Венгр коротко, отрывисто рассмеялся.

– На меня это не действует, так как я не отношусь ни к тем, ни к другим, мой друг Хосе. Я просто оказался в достаточно сложной ситуации, в которую вы всё равно не поверите, даже если я вам расскажу. Однако...

Эрнест сделал выжидательную паузу и продолжил заговорщицким тоном:

– Если вас интересует борьба с нечистой силой...

Сомнения Хосе Ортеги разрешились в один момент.

– Да, я согласен! – И он снова перекрестился. Едва ли кто-либо в наше время, в век информационных технологий, столь же решительно, очертя голову, бросался навстречу смертельной опасности, исходящей от необъяснимых и вызывающих ужас сил Тьмы. Этим жалким глупцом стал Хосе Ортега.

3

Бартоло Фрага проснулся с первыми лучами солнца. Как всегда, светило вырвало его душу из мира сновидений лучше всякого будильника: яркий, золотистый свет, не имеющий ничего общего с мертвенно-бледным свечением электрических ламп, и мягкое тепло сами по себе оживили организм. Так, в одном ритме с солнцем и луной, живут дикие звери, и местре Мауро приучил своих учеников, лучшим среди которых являлся Бартоло, жить точно так же. Природа сама знает, когда ей проснуться – простая истина этих слов воспринималась не умом, но самим телом Бартоло.

Потянувшись после сна, он прошёл в ванную комнату – крохотное помещение площадью около двух квадратных метров – и принял холодный душ. То, что Бартоло называл душем, едва ли имело что-то общее с водными процедурами, к которым привыкли изнеженные туристы и обслуживающие их кариоки². Он просто вылил на себя ведро холодной воды и, натерев всё тело хозяйственным мылом, вылил второе ведро. Махровое, с небольшой дырой на одном из концов, полотенце, выполнило несколько движений, стряхивая влагу – и с водными процедурами было покончено.

Фыркая, освежённый Бартоло, прошёл на кухню, такую же крошечную, как ванная. Даже молодой и стройный юноша, в результате многолетних занятий капозэйрой обладавший завидной гибкостью и координацией движений, с трудом здесь управлялся. Любое неосторожное движение грозило падением многочисленных стеклянных баночек со специями, чашек и тарелок, в обилии загромождавших настенные полки.

Справа от двери размещался старенький, выдавший виды холодильник. Его выкрашенная в белый цвет, местами заржавленная, дверца была заклеена фотографиями, вырезанными из журналов едва ли не полувековой давности. Сам холодильник, по глубокому убеждению Бартоло являвшийся ровесником его покойной бабушки, несмотря на свой почтенный возраст, всё ещё пребывал в рабочем состоянии.

Налив себе стакан молока, Бартоло поджарил яичницу из двух яиц и позавтракал. За окном уже всю галдели соседи: лоточник Серджио, державший в собственной квартире лавку свежих фруктов и овощей, торговался с одной из соседок, темнокожей Терезой. Та добродушно ругала его, напоминая о каких-то договорённостях, и даже намекала, что сообщит о чём-то супруге Серджио. Бартоло улыбнулся: Тереза оплела сеть своих объятий едва ли не полквартала. Серджио, однако, не сдавался: чувствовалось, что его совершенно не смущает шантаж.

– Что мне скажет жена, если мои дети останутся голодными, Тереза?

Девушка рассмеялась приятным смехом, наполненным весельем молодости:

– Ты дашь им что-то из собственного товара. Ни ты, ни твои дети не жалуетесь на удобу.

– Ой, Тереза, я не выращиваю ни маниок, ни бананы. Мне за всё это нужно платить.

Заходи лучше вечером, может, о чём-то договоримся.

Выругавшись напоследок, впрочем, довольно добродушно, Тереза удалилась. Бартоло задумался на миг о своих соседях: подобно остальным кариокам, они никогда не упускали возможности посплетничать или, если на это нет времени, хотя бы поругаться.

Его судьба повернулась иначе: с самого раннего детства Бартоло, старший из четверых детей семейства Фрага, воспитывался в осознании ответственности за судьбу семьи. Необходимость отстоять своё право на жизнь на улицах Рио, порой неслыханно жестоких к слабым, привела его к местре Мауро.

Школа капозэйры местре Мауро пользовалась в Лапе, районе, где обитали Фрага, репутацией заведения, в котором дух и тело юноши получают закалку, достойную восхищения

² Кариока – житель Рио-де-Жанейро.

окружающих. Уже на самых первых занятиях Бартоло ощутил в себе талант, возможно, даже любовь, к капозэйре, этому причудливому и вызывающему неизменную зависть флегматичных белых туристов, стилю, в котором объединились качества ритуального танца и подлинно смертоносного боевого искусства.

Бартоло любил передвижения жинга, атаки кабесада и понтейра, имитирующие бой и пляску одновременно. Вызов-шамада всегда вызывал в нём лихорадочное возбуждение, граничащее с религиозным таинством. Он словно вступал в иную плоскость бытия, танцуя вместе с партнёром, входя с ним в один ритм – и превосходя его. Порой Бартоло, тонко ориентировавшийся в пространстве и превосходно управлявший собственными движениями, будто невзначай, чуть касался босыми ступнями ног противника, почти всегда приводя того в замешательство. Нередко соперники после этого теряли равновесие – в любом случае, они уже не контролировали свои эмоции и совершали ошибки, приносящие Бартоло победу.

Бывало так, что доходило и до настоящих схваток, как тогда, когда однажды вечером дорогу ему преградили трое ребят из шайки Сантоса. Они промышляли на улице Эррета, грабили прохожих. Бартоло, уже неоднократно получавший от них «предупреждения», представлявшие собой устные или письменные угрозы, перемешанные с грязными ругательствами, был готов сразиться и с сотней таких.

Словно не замечая усталости, чуть сковывавшей мышцы после тренировки, он поставил свою сумку на тротуар и вышел на середину улицы; уже стемнело, и вокруг не было никого, кроме пары прохожих, которые, завидев драку, поторопились исчезнуть.

Сделав шаг вперёд, словно в шамаде, Бартоло начал переступать из стороны в стороны, одновременно размахивая ногами. С каждым шагом, словно подчиняясь тактам музыки невидимого беримбау, он всё увеличивал амплитуду движений. Хулиганы расступились, явно испугавшись тяжёлых ударов ногами, которые то и дело взлетали в ночном воздухе.

Бартоло лишь улыбался и продолжал свой танец, словно в этом мире есть лишь он один и его джинга. Так продолжалось с полминуты. Наконец, преступники, почувствовав себя неловко оттого, что втроём не могут ничего поделать против одного «плясуна», начали подбадривать друг друга и вновь приблизились к самой границе невидимого круга, очерченного взмахами ног Бартоло.

До чего же они были наивны! Этот круг представлял собой лишь площадь, что требовалась для разгона в самых мощных скачковых ударах. Едва первый из нападавших, на голове у которого красовалась сине-белая бейсболка, остановился за пределами круга и начал отдавать приказание тем, что в этот момент находились за спиной Бартоло, тот принял решение. Мгновенно отмерив дистанцию, он, используя инерцию предыдущего прыжка, развернул тело в полёте и с разворота ударил правой пяткой в голову главаря. Тот отлетел назад и рухнул навзничь без сознания, из его сломанного носа обильно текла кровь. Бейсболка лежала в трёх метрах, на тротуаре.

Бартоло, не обращая внимания на восклицания врагов, в которых теперь отчётливо слышался страх, продолжил вращательные движения ногами, с каждым прыжком приближаясь к оставшимся двум хулиганам. Оказавшись в поле его действия, те разразились проклятиями и, запустив в Бартоло подобранными с мостовой мелкими предметами – пустой пластиковой бутылкой и ещё каким-то мусором, – бросились наутёк.

После того вечера слава о нём как о выдающемся бойце распространилась по всей Лапе. С Бартоло на улице здоровались люди, которых он никогда ранее не видел, некоторые предлагали выпить; девушки, которых он встречал, улыбались Бартоло так сердечно, как это вообще возможно. Их обнажённые ноги, плавно переступавшие на высоких каблуках, были способны покорить любое сердце – но было уже поздно. Душа Бартоло навеки пропала – теперь она принадлежала только капозэйре.

Местре Мауро, словно только что заметив Бартоло, предложил ему заниматься серьёзно. Юноша, отдавший искусству уже почти шесть лет своей жизни, был поражён: разве всё это время он относился к капэйре несерьёзно? Однако местре Мауро показал ему, как мало он знает о капэйре. Едва ли не каждый месяц Бартоло, уже давно забросивший учёбу в школе и начавший жить отдельно от родителей, узнавал что-то новое о танце, способном приносить счастье, увечья и смерть.

Покончив с завтраком, Бартоло вымыл посуду и очистил свой мозг от лишних мыслей. Пройдя в скудно обставленную – кровать, стул и трёхногий стол – комнату, единственную в квартире, он убрал с пола циновку и, раздевшись догола, начал растягивать мышцы ног.

Местре Мауро всегда говорил, что бог создал людей нагими, и едва ли он ошибался. Ещё важнее был тезис: настоящий воин никогда не должен чего-либо бояться или стесняться. Всё более и более увеличивая нагрузку на связки паха, Бартоло одновременно заставлял себя ни о чём не думать. Другая истина, изложенная ему однажды учителем, гласила: мысль претит танцу. Танец – это чувство, хоровод страстей, полёт души, подчинившей себе тело. Бартоло, безоговорочно доверявший местре, понимал, что это – правда.

Деньги и пищу, которые нимало не беспокоили его, он получал от местре в количествах, достаточных для уплаты счетов и нормального питания. Его интересовало только самосовершенствование; даже семья, его младшие братья и сестра, которых он некогда поклялся защищать, едва ли не стёрлись из его памяти; Бартоло видел их лишь по праздникам.

Всё своё время без остатка, все свои силы он посвящал капэйре. Местре Мауро теперь учил его приёмам, позволяющим управиться с любым, самым искусным, сильным и ловким противником. Многократные драки, в которые он вступал по приказанию учителя, подтвердили постоянно растущую уверенность Бартоло в том, что его тело способно творить чудеса.

Наконец, дошло дело и до того, что учитель именовал внутренней сутью искусства. Разговоры о происхождении капэйры, чьи корни находились на Чёрном континенте, в брачных танцах *нголо*, принуждали парня, которому уже исполнилось шестнадцать лет, краснеть. Сам он, ещё не знавший женщины, был мулатом, в нём текло не более четверти негритянской крови. Бартоло отличала форма черепа, не свойственная африканцам, тонкие губы, зелёные глаза – и бронзовая, словно от загара, а отнюдь не коричневая, кожа. Поэтому его дух не испытывал притяжения далёкой родины предков, племенные пляски и ритмы там-тамов были для него пустым звуком. Тем не менее, смущение оттого, что он является отчасти белым, отступало, когда местре рассказывал о духах Ориша, способных дать смертному силу богов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.